

На правах рукописи

Шугушева Джулета Хабасовна

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале произведений А.П. Кешокова)**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(кавказские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАЛЬЧИК
2018

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Научный руководитель – Бижева Зара Хаджимуратовна,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Официальные оппоненты: Гасанова Марина Аюбовна,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Тугуз Гошсим Туркубиевна,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева»

Ведущая организация – ФГБУН «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН»

Защита состоится «22» июня 2018 г. в 11.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 при ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Текст автореферата размещен на официальном сайте <http://dissser.kbsu.ru> ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Чепракова Татьяна Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В контексте антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания репрезентация фразеологической концептуализации в языковой картине мира (ЯКМ) представляется релевантной для адекватного исследования взаимодействующей языковой культуры и художественного текста. Данные феномены, как нам представляется, в наибольшей мере эксплицируют этнокультурные особенности менталитета соответствующего языкового сообщества, его когнитивные интенции, а также индивидуально-авторские интерпретации культурного кода родного языка.

Экзистенциальные фразеологические константы кабардино-черкесского языка, функционирующие в такой сложной этноментальной системе, как художественный текст, не были предметом специального монографического исследования с целью выявления комплекса лингвистических средств, репрезентирующих особенности фразеологического пространства данной ЯКМ.

Анализ кабардино-черкесских фразеологизмов концептосфер *су* (сердце), *псэ* (душа), *зэман* (время), *унэ* (дом) из художественных произведений А.П. Кешокова подтвердил мнение В.Н. Телия о том, что «...система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия, 1996: 215].

Данная проблематика приобретает все большую актуальность в эпоху глобальной межкультурной коммуникации еще и в связи с тем, что нарастает противопоставление феноменов универсальности и самобытности этнических культур.

В указанном контексте актуализируется роль исследования адыгского лингвокультурного сознания, эксплицированного в ЯКМ и в том числе во фразеологическом метакоде.

Взаимосвязь языка и культуры, к которой заметно повысился научный интерес в последние десятилетия, очевидна из их конститутивных свойств. Именно в данном контексте наиболее адекватно эксплицирована междисциплинарность как знаковая характеристика современного гуманитарного знания [Бижева, 2017: 8].

Теоретические основы лингвокультурологических исследований трактуются в литературе разноречиво. Концепции, посвященные языку и культуре, преобладают над исследованием языкового материала. Основные методологические требования антропологической лингвистики сводятся к следующему:

- 1) познание человека невозможно без исследования языка;
- 2) изучить природу языка можно, лишь исходя из понимания человека.

В контексте диссертационной проблематики нас в большей мере интересует второй тезис, так как мы исходили из того, что данная парадигма лингвистики – это когнитивное направление, в рамках которого реализуются системные свойства, актуализирующие поведение человека. Познание же вербализуется в ЯКМ, концептуализирующих его этноспецифичным способом. К причинам различия этнических ЯКМ, помимо многих иных, относится неоднозначность связи между реалиями и средствами языка, обозначающими их, поэтому данная проблема не может быть решена только лингвистикой [Бижева, 2017: 9].

Самоидентичность адыгов – одна из актуальных проблем данного языкового сообщества. В ее реконструкции важнейшую роль играет системное исследование адыгского языкового менталитета, выраженного и в художественном дискурсе.

Концептуальное пространство адыгской ЯКМ многоаспектно. В настоящее время в концептосфере адыгских языков в основном исследуются лексические языковые значения, т.е. ее ментальный лексикон. Другими словами, для современной адыгской лингвокультурологии характерен такой аспект исследования взаимодействия языка и культуры, как семиологический анализ базовых концептов ЯКМ – доминирующий аспект, соотносящийся с когнитивной лингвистикой (концепты эксплицируются в результате процесса означивания познания этноса). Роль данного аспекта актуализируется исследованием фразеологической концептуализации в художественных текстах.

Как известно, междисциплинарность гуманитарных исследований обуславливает и актуальность изучения ценностных парадигм различных дискурсов. Концептуализация фразеологизмов как важнейшего средства отражения аксиологического аспекта адыгской ЯКМ становится одним из основных факторов при исследовании адыгского языкового менталитета.

Всем сказанным предопределена **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

Объект исследования – фразеологизмы кабардино-черкесского языка из художественных произведений А.П. Кешокова, составляющие экзистенциальную основу концептосфер таких адыгских констант, как *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время).

Предметом исследования являются функционирование и этнокультурное своеобразие фразеологических единиц (ФЕ) в произведениях А.П. Кешокова на основе анализа их семантики, коннотации, лингвокультурологических, когнитивнокультурологических и аксиологических характеристик.

Материалом исследования послужили данные выборки ФЕ концептосфер *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время) из следующих произведений А.П. Кешокова:

Романы: «Хъуэпсэгъуэ нур» («Чудесное мгновение»), «Эмирым и сэшхуэ» («Сабля для эмира»), «Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ» («Зеленый полуме-

сяц»), «Шынэхужыкьуэ» («Долина белых ягнят»), «Нал къута» («Сломанная подкова»), «Кхъужыфэ» («Грушевый цвет»), «Лъапсэ» («Корни»).

Новеллы: «Анка» («Анка»), «Аргъуей» («Комар»), «Бабыщыкьуэ адакъэпщ» («Петух – сын утки»), «ВитI» («Два вола»), «ГушIэгъу» («Милосердие»), «Лэчымэ» («Запах краски»), «МелыIыч» («Ангел»), «ХьэщIэ лъапIэ» («Дорогой гость»), «Зи лъэрыгыпс тIыгъа» («Чье стремя мы держали»), «Кхъэлэгъунэ» («Мечеть»), «Лыгъэ» («Пламя»), «Хьэсэпэхумэ» («Сторож»), «Къалэн» («Долг»), «Кхъухъ пхэнж» («Неправильный корабль»).

Рассказ «КIапсэ кIапэ» («Кусок веревки»).

Повесть «Нэгъуху» («Слепота»).

Пьесы: «Альхо» («Альхо»), «Гъуэгуанэ» («Путь»), «Тепщэч къэзыльэтыхъ» («Летающая тарелка»).

Эмпирический материал составил около 300 единиц, собранных методом сплошной выборки.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении специфики и аргументации фразеологической репрезентации базовых констант адыгской ЯКМ в художественном тексте как этнокультурного феномена.

Данная цель диссертационной работы предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1) рассмотреть состояние исследования фразеологической системы кабардино-черкесского языка с учетом современных достижений лингвокультурологии;

2) выявить корпус ФЕ из произведений А.П. Кешокова, составляющих концептосферу *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время);

3) проанализировать этнокультурную специфику ФЕ кабардино-черкесского языка в художественных текстах А.П. Кешокова;

4) систематизировать приемы индивидуально-авторского использования ФЕ в текстах писателя.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что ФЕ кабардино-черкесского языка, содержащие этнокультурный компонент (в данной работе – константы *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время)), приобретают индивидуально-авторскую специфику при репрезентации в художественном тексте.

ФЕ, в семантическую структуру которых входит этнокультурный компонент, являются специфическим средством формирования фразеологической картины мира соответствующего языкового сообщества.

Методы исследования предопределены спецификой его цели и задач: семантико-когнитивный анализ, лингвокультурологический и концептуальный анализ. В процессе исследования были использованы такие приемы, как выборка, анализ, описание, обобщение, интерпретация.

Научная новизна исследования. Диссертационная работа представляет собой первое монографическое исследование творческого использования этнического фразеологического пласта адыгской ЯКМ в контексте индивидуально-авторской языковой личности А.П. Кешокова. С этой целью в диссертации впервые рассматривается контекстуальная реализация семантики и коннотаций ФЕ, выявляется системность их реализации в произведениях писателя, что позволило квалифицировать основные черты его идиостиля. Семантико-когнитивный и лингвокультурологический анализ ФЕ, репрезентирующих концепты *зу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время), способствовал адекватной классификации специфики авторского использования ФЕ в художественном тексте.

Теоретическая значимость диссертации предопределена определенным вкладом в дальнейшее исследование ЯКМ в контексте этнокультурной обусловленности ее экспликации во фразеологическом пространстве языка. Анализ фразеологической концептуализации в художественном дискурсе позволяет выявить специфику этнического языкового сознания, способствует углублению понимания ЯКМ, что предопределяет более эффективное развитие как лингвистики в целом, так и лингвокультурологии. Исследование ФЕ в авторской речи А.П. Кешокова важно для коммуникативной стилистики, семиологии и синтаксиса кабардино-черкесского языка.

Практическая значимость диссертационного исследования связана как с общим повышением лингвокультурологического образования в школе и ВУЗе, так и с использованием его материалов и выводов в учебном процессе (спецкурсы по кабардино-черкесской фразеологии, адыгской лингвокультурологии и т.п.), а также в лексикографической практике.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы языковедов в области фразеологической и лексической семантики, речевой реализации и индивидуально-авторской трансформации фразеологизмов, по системным отношениям во фразеологии: Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, В.Л. Архангельский, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Г.И. Берестнев, Л.К. Бобрышева, Н.Н. Болдырев, Н.С. Болотнова, Л.Ю. Буянова, В.В. Виноградов, Г.А. Волохина, Д.О. Добровольский, Е.А. Добрыднева, В.П. Жуков, В.И. Карасик, Е.Г. Коваленко, М.П. Ковшова, Е.С. Кубрякова, А.В. Кунин, В.А. Маслова, С.А. Песина, З.Д. Попова, В.И. Постовалова, В.И. Постовалова, Е.В. Сергеева, Б.А. Серебренников, А.А. Серебряков, С.В. Серебрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, И.А. Федосов, Чжоу Хань Жуй, Н.М. Шанский, А. Эмирова, Е.С. Яковлева; а также по проблемам исследования адыгской ЯКМ: Л.Т. Алчагирова, Ж.Ш. Апекова, И.М. Балова, З.Х. Бижева, Б.Ч. Бижоев, С.Х. Битокова, Н.У. Ворокова, Ф.Н. Гукетлова, Л.Х. Дзасежева, Л.М. Дзуганова, А.Г. Ему-

зов, Н.Р. Иваноков, Б.М. Карданов, Р.С. Кимов, М.Ч. Кремшокалова, М.М. Кумыкова, И.А. Масаева, М.О. Мижаева, Г.Т. Тугуз, З.Р. Цримова и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. ФЕ кабардино-черкесского языка, репрезентирующие в произведениях А.П. Кешокова концептосферу таких лингвокультурем, как *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время), составляют основу системы экзистенциальных адыгских констант, актуализирующих аксиологический и когнитивный аспекты ЯКМ этноса.

2. Фразеологическая концептуализация, являясь этнокультурным феноменом, формирует экзистенциальную картину мира соответствующего языкового сообщества. ФЕ кабардино-черкесского языка, маркируя своей семантикой этническую специфику адыгской лингвокультурной традиции, транслируют ее ментальные доминанты, что и отражается в художественных текстах А.П. Кешокова.

3. Этнокультурная специфика функционирования концептов *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время) эксплицируется в художественных произведениях А.П. Кешокова в разном качественном наполнении. Внутренняя форма исследованных ФЕ, являясь образным представлением фрагментов ЯКМ, придает текстам писателя национальный колорит.

4. Концепты *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время), являясь наиболее продуктивными лингвокультурными кодами, участвующими в формировании адыгского фразеологического метакода, приобретают авторскую интерпретацию в контексте его идиостиля и специфики художественного мировоззрения.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в докладах и сообщениях, сделанных на международных научно-практических конференциях: VII международная научно-практическая конференция «Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы» – Центр развития научного сотрудничества, Новосибирск (2017); VIII международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» – Казанский ГУ (2017); XIII международная научно-практическая конференция «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» – Москва (2018).

Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка и общего языкознания института истории, филологии и средств массовой информации ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова». По теме исследования опубликовано 10 научных работ, в том числе 3 статьи в изданиях из перечня ВАК.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка использованных словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна работы, формулируются рабочая гипотеза, предмет и объект диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, аргументируются методы исследования, его теоретическая и практическая значимость, охарактеризована методологическая и эмпирическая базы, сформулированы положения, выносимые на защиту, а также обозначена ее структура и формы апробации.

В первой главе «Теоретические основы исследования» излагаются теоретические основы диссертационного исследования: трактовка ФЕ в современной лингвистике, становление и развитие кабардино-черкесской фразеологической науки, функционирование художественного концепта в коммуникативной стилистике.

Интенсивное развитие фразеологии выявило множество противоречивых подходов как к определению единицы фразеологии, так и к перечню основных признаков этой единицы. В рамках лингвистического направления можно назвать различные наименования фразеологических единиц – фразеологизм, устойчивые фразы (В.Л. Архангельский), фразема (В.Л. Архангельский, Н.Ф. Алефиренко), устойчивые словесные комплексы (И.И. Чернышева), устойчивое словосочетание (Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко) и др.

Дифференциальными признаками ФЕ в работах разных исследователей отмечаются такие признаки ФЕ, как сверхсловность, устойчивость, целостность значения, воспроизводимость. Данные параметры отделяют ФЕ от единиц других уровней языка, однако и они являются предметом дискуссии.

Выделяются и другие признаки фразеологических единиц, которые не представляются нам глобальными (метафоричность, эмоциональность, экспрессивность, соотнесенность с определенной частью речи, способность выражать культурно-исторический смысл и т.д.), однако являются довольно актуальными для решения задач исследования. Поскольку анализируются ФЕ из контекстов художественных произведений определенного автора, тексты которого наполнены фразеологическими единицами разнообразных структурно-семантических типов, априори можно сказать, что использованные для достижения того или иного эффекта конструкции в авторской речи и речи персонажей отличаются метафоричностью, эмоциональностью. Выборка ФЕ из произведений А.П. Кешокова показала, что большинство значений фразеологизмов образовано на основе языковой метафоры и, кроме номинативной, они выполняют изобразительно-оценочную функцию. Определение дифференциальных признаков ФЕ и отграничение их от других языковых конструкций достаточно сложный вопрос, и решается он по-разному. Выделение ФЕ из контекста произведений А.П. Кешокова проводилось с учетом

того, что совокупность описанных признаков позволяет выделить фразеологизмы, отграничивая их от свободных словосочетаний и предложений. То есть под ФЕ в данном исследовании понимается *сверхсловная* конструкция, обладающая основным набором дифференциальных признаков: *устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость*.

ФЕ являются, как известно, образно мотивированным средством вторичной мотивации и содержат национально-культурные коннотации. Исследователи отмечают высокий образный, экспрессивно-оценочный потенциал ФЕ, исследование их «в контексте культуры» может служить основой для выявления и описания языковых средств, воплощающих в ФЕ культурно значимые смыслы, придавая функцию знаков «языка» культуры.

А.П. Кешоков, произведения которого исследуются в данной работе, классик кабардино-черкесской литературы, отразивший в своем мировоззрении философские, религиозные, нравственные представления своих соотечественников. Обращение к изучению языковой картины мира писателя представляется важным и в силу того, что она является одной из форм отражения самосознания носителей кабардино-черкесского языка.

Поскольку ФЕ являются важным языковым средством создания образности, они становятся предметом исследования значительного количества работ, в центре внимания которых стилистические свойства и выразительные возможности ФЕ, их преобразование в контекстах художественной и публицистической речи.

Первые труды в области кабардинской фразеологии (определение объема и границ фразеологии кабардинского языка, дифференциальных признаков ФЕ, их анализ в структурно-грамматическом, семантическом, тематическом аспектах, исследование явлений синонимии, вариантности и полисемии – Б.М. Карданов) связаны с российской традицией фразеологических исследований. Предложенная ученым структурно-семантическая классификация ФЕ кабардинского языка имеет свои специфические особенности, которые обусловлены его строем: выделена семантическая группа – устойчивые выражения нефразеологического характера, представляющие собой промежуточную категорию устойчивых словосочетаний, еще не ставших подлинными фразеологизмами. От ФЕ их отличает отсутствие семантических сдвигов, переосмысления, вместе с тем они употребляются в готовом виде. Представлен анализ «*тсалъэжхэр*» (старые слова, старые речения- пословицы и поговорки), они определены как подлинные фразеологизмы, входящие в разные структурно-семантические группы в зависимости от характера их семантической структуры.

Исследования фразеологии кабардинского языка были продолжены работами в сопоставительном, структурно-грамматическом, функционально-стилистическом аспектах. В настоящее время смещен ракурс исследований:

системное учение, начатое основоположниками кабардинской фразеологии, продолжается в виде конкретных исследований семантических, грамматических свойств ФЕ, их функционирования в дискурсах, в современных исследованиях кабардинской фразеологии в сопоставительном, лингвокультурологическом, этнокультурном, когнитивном и прагматическом аспектах.

Когнитивные и культурологические ассоциации обобщающе-синтезирующего типа формируют ценностную составляющую художественного концепта.

Художественный концепт как ментальное образование, которое отличается психологической сложностью, возможностью интерпретаций, способностью сочетать в себе различные свойства и понятия, понимается в данном исследовании как культурный концепт. Мы солидарны с его определением как единицы индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованной в едином тексте творчества писателя. В исследовании нас интересует индивидуально-авторский художественный концепт как информационная целостность, содержание и вербализация которого присущи творчеству А.П. Кешокова.

Вторая глава диссертации «Фразеологическая репрезентация экзистенциональных концептов в художественной прозе А.П. Кешокова» посвящена фразеологической репрезентации таких экзистенциональных концептов в произведениях А.П. Кешокова, как *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время).

В работе мы опираемся на понятие фразеологического концепта, определяемое нами как составляющая художественного произведения, вторичная моделирующая система, репрезентируемая в художественном тексте посредством ФЕ. Под репрезентацией фразеологического концепта понимается иерархизованная совокупность смыслов, воплощённая в художественном тексте и отражающая авторское представление.

Интерес к проблеме самоидентификации этносов актуализирует обращение к исследованию творчества писателей, языковое мастерство которых является неким аккумулирующим отражением этнокультурного видения. Именно таким является Алим Пшемахович Кешоков, отразивший в своих стихах и прозе пласты смыслов, позволяющих увидеть систему ценностей адыгов.

Концепт ЗЭМАН (время). В данной работе мы пытались исследовать концепт *зэман* (время) как выражение состояния духовной жизни писателя. При этом особый интерес представляет для нас фразеологическая репрезентация концепта. ФЕ из произведений писателя представляют собой целостную систему, отражающую картину мира А.П. Кешокова, его философию жизни, и служат репрезентантами системы ценностей.

В ФЕ со значением времени грамматическая и лексическая аспекты значения, сливаясь в единое целое, выражают в сжатой форме временные от-

ношения действительности и таким образом формулируют в концентрированном виде свод человеческих знаний о времени.

Для исследованных текстов характерно частое использование писателем ФЕ для обозначения **астрономического времени**, как объективного (обозначающего время, не зависящее от субъективных факторов), так и субъективного (по субъективной оценке).

Важным мериллом времени является герой писателя, который рассматривает время в контексте своих действий, переживаний. Выделяется группа ФЕ со значением неопределенности времени.

Неопределенность времени отражают ФЕ со значением неопределенного срока (неизвестно когда): *зэ мыхъуми зэ* – когда-нибудь, *зува – щ/эхами* – рано или поздно; *зэман – зэманк/эрэ* – время от времени.

ФЕ *зэ мыхъуми зэ* – когда-нибудь – обозначает время возможности осуществления или неосуществления при определенных условиях:

Зэ мыхъуми зэ зэрык/уэжын хуейр Саримэ ищ/эрти, ар игу къэж/ыжмэ, и ичхээф/цызм зилэтырт [Кешоков т.2: 83]. / Сарима знала, что когда-нибудь придет-ся ей вернуться, и от этой мысли у нее волосы становились дыбом.

Зыкъом лъандэрэ Думэсарэ «бэлиэвыч» жалэм «Астемыр» жалэ хуэдэу къригъэк/ырти и гур къылъэту къэгузэвац [Кешоков т.2: 170]. / Уже давно Думасаре слово «большевик» казалось «Астемиром», и она забеспокоилась.

(Хъэсэнджэрий) Дэ /эджэ иц/лауэ дызэроц/ыху. Абы и деж сыщыхэ/иц/лауэ иц/тац [Кешоков т.3: 218]. / (Хасангирей) Мы давно знаем друг друга. Я гостил у него.

Критерием для измерения времени в произведениях писателя являются сами персонажи, рассматривающие время в связи с определенными событиями, действиями, переживаниями, а также автор, включающий в свой текст конструкции со значением субъективного времени. Значительную смысловую нагрузку несут в составе ФЕ такие компоненты со значением времени, как *зэман* – время, *чэзу* – пора, во внутренней форме которых передается этнокультурная характеристика.

Таким образом, проанализированный языковой материал произведений А.П. Кешокова отражает художественный образ времени, представленный как временем объективным, так и субъективным. Философскую категорию времени отражают идиомы о бесконечном движении, изменении и повторяемости событий.

Концепт ПСЭ (душа). Исследование концепта *псэ* в творчестве А.П. Кешокова в связи с изучением особенностей художественного мировоззрения писателя, выражения авторского осмысления сущности концепта представляется актуальным особенно на фразеологическом материале, в котором наиболее ярко проявляется «дух народа».

Понятие *псэ* писатель репрезентирует как саму жизнь; он использует ФЕ, в составе которых *псэ* фигурирует с глаголами *пытын*, *хэтын*, *хэклын*, *луклын*, *кыхыхьэжын*: *псэр пытын* – быть живым, пока душа в теле держится; *псэр хэтын* – быть живым (букв.: душа есть в теле); *псэр хэклын* – умереть (букв.: душа уходит); *псэр луклын* – испугаться (букв.: душа ушла); *псэр кыхыхьэжын* – прийти в себя, ожить (букв.: душа вернулась):

Сэр цхьэккэ фымыгузавэ. Зыквезгъэубыдынкъым си псэр пыту [Кешоков т. 2: 91]. / Обо мне не беспокойтесь. Не дам себя поймать, пока жив.

Ауэ, сыту цытми, цыхуи, псэ хэтиц, нэрэ напгэрэ зэхуимыху нэху цыху сымаджэм бгъэдэсыфынуц [Кешоков т. 3: 15]. / Как бы то ни было, она живой человек, в котором есть душа, и, не смыкая глаз, она может сидеть с больным до утра.

В контекстах А.П. Кешокова *псэ* является и вместилищем самых теплых, нежных чувств: *псэм* и *цласэ* – по душе, душевный (букв.: любимый душе); *псэм флэфл* – приятно душе, прийти по душе; *псэр зы чысэм ильын* – душа в душу (букв.: их души находятся в одном кисете).

Деникиным дыщезауэм Гикалэ дэрэ ди псэр зы чысэм ильац. Ди гугъуехи ди гүфлэгъуи зэдэдгүшу цытац [Кешоков т.3: 388]. / Когда Гикало и мы воевали с Деникиным, то мы жили душа в душу. Мы делили между собой и горе и радость.

ФЕ с компонентом *псэ* (душа) в романе обозначают и состояние человека, степень крайнего напряжения, как физического, так и духовного:

– *Я псэм емьблэжу сыт жыпIа цлэзуар?* – *жылэри сэлэт комитетым цыщыр цлэуцIац, Астемыр дежкIэ кьакIуэу* [Кешоков т. 2: 63]. / Так зачем, говоришь, они воюют, не щадя себя? – спросил один из членов солдатского комитета, идя к Астемиру.

Концепт ГУ (сердце). Исследуемый языковой материал показал, что гу – один из ключевых концептов в творчестве А.П. Кешокова, и представляется важным рассмотреть, как отражается сущность человеческого бытия в сознании писателя посредством эмоций.

В языке писателя, в системе образов и символов репрезентировано его миропонимание, которое осознается в контексте культурных традиций народа. При этом важнейшую роль играют ФЕ, в образном содержании которых воплощается этнокультурная составляющая.

Проведенный анализ позволил нам выделить в ЯКМ писателя следующие группы ФЕ: со значением различных чувств, эмоций, состояний; со значением «память», «мышление»; характеристика духовной составляющей человеческой личности; этическая характеристика; физическая характеристика состояния человека и т.д.

В ЯКМ писателя выделяются две большие абстрактные группы *эмоций* (чувств), обозначенных исследуемыми ФЕ.

1) ФЕ с позитивным значением (гармония, дружелюбие, доброта, спокойствие и т.д.)

В кабардино-черкесском языке *гу* (сердце) как компонент слова входит в структуры многих лексем со значением *симпатия*: *гурыццIэ* – влечение, страсть; *гухэлэ* – желание, любовь, *гуагIуэ* – привлекательность, *гуапэ* – приятное и т.д.

Например, **гум ирихьын** – полюбить, понравиться, прийтись по душе (букв.: нести сердцем):

Къазджэрий зыри жимыIэу гупсысэрт. Лыжьым жиIэр и гум ирихьу цымытми, апхуэдэу къыцIэжIынт къэхьуа-къэцIар цIыхум къазэрыгурыIуэр [Кешоков т. 2: 475]. / Казгирей молча думал. Хотя ему и не нравилось то, что говорит старец, наверное, так люди понимают происходящее.

В кабардино-черкесском языке концепт *чувство* содержит в себе компонент *сердце*: *гурыццIэ* – чувство; любовь, *гухэлэ* – сокровенное чувство, мечта; любовь.

Внутренняя форма приведенных слов указывает на месторасположение чувства внутри сердца:

гум хыхьэн – задеть глубину сердца, брать за душу (букв.: войти в сердце):

Псоми жаIэрт: – Тхьэм жиIэ! – Тхьэм къабыл ицI! – Сыту гум хыхьэу жытIа! – Жьыцхьэ махуэ ухьу! [Кешоков т.4: 352] / Все говорили: – Пусть Аллах так и скажет! – Пусть дойдет до Аллаха! – Как хорошо сказал, аж за душу берет! – Да обретешь счастливую старость!

Гум щыщIэн – переживать в душе (букв.: делать в сердце):

И цхьэр ехьэхауэ, нэпсыр ирикIуту цыст КIураци. Дотийрэ Апчарэрэ фIыуэ къагурыIуэрт а цIыхубзым и гум щыщIэр [Кешоков т. 4: 512]. / Кураца сидела с опущенной головой и рыдала. Дотий и Апчара хорошо понимали, что она переживает в душе.

Гу щыхуэн – получить удовлетворение, насладиться (букв.: тереть сердцем):

Лейуэ гугьу ехьац (цIыхубзыр), и дахагьэри хилъхьац, къылъхум гу щыхуэнри и фIэц мыхьужу къэнац [Кешоков т. 5: 365]. / Слишком пострадала (женщина), свою красоту вложила, уже не верит, что насладится своим ребенком.

Гум къыщIетхь – за душу хватает, жалеть все душой, очень тяжело, скрепя сердцем (букв.: вырывает из-под сердца):

Шыр яцэу цыдаша тцыхьэцхьэм Лу и гум къыщIетхьыу цIэгьар иджы гурыIуэгьуэц [Кешоков т. 2: 349]. / Теперь было понятно, почему Лю скрепя сердцем рыдал в тот вечер, когда продали и увели коня.

Гу как компонент лексем со значением *наслаждение*: *гукьыдэжэ* – бодрое настроение; воодушевление, *гухэхьуэ* – восторженность, наслаждение и т.д.:

гур хэхьуэн – испытывать душевный подъем; одухотворение (букв.: сердце растет):

Дунейр дахэт, Лу имьцлэ кьшицлэмэ, и гур хэхьуэрт, ар и гурыфлыгыэвт [Кешоков т.3: 538]. / Вокруг красиво, когда Лю узнавал что-то новое, чего он не знает, он одухотворялся, это радовало его.

Гу как компонент лексем со значением *сочувствие*: *гуицлэгьу* – жалость, *гумыгыэу* – с состраданием и др.:

гур зэгьэн – успокоиться, удовлетвориться (букв.: сердцу перестать баловаться):

Сэри дэхуэха сыхьумэ, жицлэри Апчарэ сумкэм дэцлэбэри и комсомол билетыр дэлъу цилъагьум и гур зэгьэжаиц [Кешоков т. 4: 132]. / Если и я попаду в беду, подумав, Апчара сунул руку в сумку и успокоился, когда увидел комсомольский билет.

Гур цлэузын – пожалеть, сострадать всем сердцем (букв.: сердце болит):

Кьуэширокьуэм игу цлэуэвт цлэхубз цлалэ цэцлэуцлым, флэгьуэныхьу ээпильыхьт ар – и бостей лэжьэпар, дьгьэм ижьэжа и цхьэфлэхьыклтлэжлур [Кешоков т. 4: 441]. / Кашироко сострадал всем сердцем хрупкой молодой девушке, жалея ее, он рассматривал ее – ее совсем изношенное платье, совсем выцветший от солнца платочек.

Концепт *гу* (сердце) входит в концептосферы милосердия в кабардино-черкесском языке: *гумацлагьэ* – добросердечность, отзывчивость, *гумацлэу* – добродушно, *гумэцлэн* – растрогаться, *гумацлэ* – чувствительность и т.д.:

гур хуэмыгыээн – беспокоиться, переживать (букв.: сердце сожалеет):

Кьазджэрий и гур хуэмыгыэу дьдэт а полкым [Кешоков т.3: 277]. / Казгирей сильно переживал за этот полк.

Сердце символизирует не только чувства, оно является также источником силы.

Так, в кабардино-черкесском языке функционируют следующие идиомы:

гур кьызэрыгыэтыжын – опомниться от страха; воспрянуть духом (букв.: сердце себя находит):

Я председателыр кьыцацлэхужым, кьуэцхэ кьомьм я гур кьызэрыгыэтыжиац [Кешоков т. 2: 471]. / Узнав своего председателя, балкарцы воспрянули духом.

2) ФЕ с негативным значением (неразумность, злоба, разрушение и т.д.)

В кабардино-черкесском языке *гу* как компонент слова входит в структуры многих лексем. В том числе со значением *беда*: *гузэвэгьуэ* – бедствие, *гукьеуэ* – горечь; *гуицлэхэ* – досада; *гукьутэ* – скорбь и т.д.:

гум ежэлэн – принять близко к сердцу, огорчиться (букв.: подбежать к сердцу):

Ар лЫ гуацІэц, сытри псынциІэу и гум йожалІэ, и жаггүэ хууар заницІэу зыцыггүтцэжхэм яцыцккым [Кешоков т. 3: 228]. / Он суров, все принимает близко к сердцу, не из тех, кто быстро забывает обиды.

Гур кьутэн – разочароваться, сердце кровью обливается, сердце разрывается, расстроиться (букв.: сердце разбивается, ломается):

– *А си псэ тІэкІу, тхэм жиІар хууиц. Умыгузавэ. СабшитІ уиІэр хумэ. Уи гур умыккүтэжэ, тІу* [Кешоков т. 2: 209]. / Душа моя, будет так, как суждено Аллахом. Не волнуйся. Оберегай своих двоих детей. Не разрывай свое сердце так, дитя мое.

Гу как компонент лексем со значением *злоба*: *губжэ* – злость; *губжсын* – гневаться, сердиться; *гуцІэггүниэ* – безжалостный, бессердечный, *гудзакгэ-нишаггэ* – бездушные и т.д:

гум кьишхыдыкІын – злиться про себя, гневаться (букв.: ворчать из сердца):

(Нартшу) – И-и, зы фоч сиІами!.. Езггэлыаггунт сэ абы! – и гур кьошхыдыкІри мэкий цІалэ цІыкІур. Ауэ абы и маккыр зыми зэхахаккым [Кешоков т. 4: 464]. / (Нартшу) – Эх, было бы у меня ружье!.. Я бы показал им! – гневаётся мальчик. Но его крики никто не слышит.

Гу как компонент лексем со значением *досада*: *гукгэнэ* – упрек, обида, *гузэрыдзэ* – разочарование в ком-л., *досада* и др.:

гур ебггэн – обидеться на кого-либо; попасть в немилость (букв.: сердце накрыть):

Абрэдж игурэ и цхгэрэ зобггэжэ, хгэкІэкхгүэкІэм сыккыгурыІуац, цІыхум сызэхащІыкІаккым... Абы иль ищІэгжу хуожгэ [Кешоков т. 3: 405]. / Абрек обижается на себя, звери меня поняли, люди меня не восприняли... Он начинает мстить.

ФЕ со значением «память», «мышление»

Гупсысэн – думать, от *гупсысэ* – мысль, дума; *гупсысакІуэ* – мыслитель, *гупсысанІэ* – место совета; *гупсысэкІэ* – образ, способ мышления; *гупсысэниэ* – неразумный и т.д.:

гум иубыдэн – запомнить, мотать на ус, задумать (решить) (букв.: закрыть в сердце):

Уэрккымрэ пицымрэ дунейм тетыху, дунейр ззІубз хгунуккым, жиІэу Степан кгүрІгнэм кгрихырт. Инал бжэ кгуаггым кгуэту кгэдаІуэрт, урыс дадэ жиІэри и гум ирицубыдэу [Кешоков т. 2: 138]. / Пока на свете будут цари и князья, мир не прояснится, так толковал Степан слова из Корана. Инал, стоя у двери, слушал, запоминая, что говорит русский дедушка.

Гум ильын – помнить о ком-, о чем-либо, держать про себя, думать о чем-то (букв.: лежать в сердце):

Бекгэн ккыфІиггэкІаккым. Ауэ и гум ильыр Апчарэ псэкІэ ищІэрт [Кешоков т. 4: 65]. / Бекан промолчал. Но Апчара знала, что у него на душе.

При описании процессов мышления своих героев А.П. Кешоков использует ФЕ, из буквального значения которых следует, что мыслительные процессы у них проходят через сердце, «остаются», «лежат» в нем, «произрастают» из сердца.

Гум кьихьэн – вздуматься; зародиться в голове, прийти в голову (букв.: зайти в сердце):

ХьэцIэ кьэнахэр аргуэру тIысыжащ, куэдри цымысыфу, хэт цхьэукьуэу, хэт и псалгэр кIащхэ хьуауэ цыс цхьэкIэ, кьэтэджу кIуэжын я гум кьихьэртэкьым [Кешоков т. 2: 455]. / Оставшиеся гости опять расселись, хотя и в скором времени кто-то вздремнул, кто-то умолк, никому не приходило в голову уходить.

Характеристика духовной сущности человеческой личности

Гу мыгьуэ – мягкосердечный, жалостливый (букв.: страдающее сердце; сердце жалкое):

(Нанусэ) Абы кьыхуэзэ псори я хьэл-цэнкIэ зэхуэмьдэц: хэт гу тIанэц, гу мыгьуэ илэци, зи цхьэгьусэр хэкIуэда фызабэм гуцIэгьу кьыхуецI, хэти кхьуэгур кIуэцIылыци, уэ пхуэдэр куэдиц нобэ, жыхуиIэу фызым и тхьэмыцкIагьэр зыуи кьридзэркьым [Кешоков т. 3: 598]. / (Нануса) Повстречавшиеся ей разные по нраву: кто-то впечатлителен, жалостлив и жалеет вдову, у которой погиб муж, кто-то бессердечен и, говоря, что таких, как ты, много сейчас, не признает жалкое состояние женщины.

Этические концепты с компонентом сердце

Как известно, сердце во многих языках эксплицирует функции совести.

Гум хьэрэм имыльу – совесть чиста (букв.: нет подлости на сердце):

Абы псоми гу лъатэрт, ауэ Дотий и гум хьэрэм лъэпкь ильтэкьым [Кешоков т. 4: 167]. / На это все обращали внимания, но у Дотий совесть чиста.

Гум пыкI – сколько не жалко; что можно; если совесть позволяет (букв.: то, с чем расстается сердце):

Пацтыхьым и гум пыкIар куэд дьидэ хьуртэкьым: топу пыкIутху, фочу минипI, фоч гыну чей цыц, ахьшэ тIэкIуи цыгьужу [Кешоков т. 5: 214]. / Что не жалко было царю, совсем мало: пятнадцать пушек, четыре тысяч ружей, триста пороховых бочек и немножко денег.

Физические проявления состояния человека

Некоторые состояния человека в кабардино-черкесской лингвокультуре выражаются через концепт *сердце*. Описывая сильные эмоции, писатель часто использует такие конструкции:

гум ежэлэн – почувствовать острую боль, принять близко к сердцу, огорчиться (букв.: подбежать к сердцу):

Ар лы гуацIэц, сытри псыницIэу и гум йожалIэ, и жагьуэ хьуар заницIэу зыцыгьупцэжхэм яцыцкьым [Кешоков т. 3: 228]. / Он суров, все принимает близко к сердцу и не из тех, кто быстро забывает обиды.

Гур къеклуаш – тошнит, становится дурно (букв.: сердце нападает):

Цыхубз зыкзыыхэм яхэс нысацIэм Урарэ зэрыIупльэу и гур къеклуаш [Кешоков т. 3: 510]. / Когда Урара увидела невесту, сидевшую среди очень нарядных, ей стало дурно.

Таким образом, анализ фразеологического фрагмента художественных произведений А.П. Кешокова с концептом *гу* позволяет резюмировать, что данная адыгская лингвокультурная константа относится к фундаментальным феноменам экспликации этнической ментальности.

Концепт УНЭ (дом). Рассматривая понятие *дома* в ЯКМ писателя, мы пытались выявить как универсальные, так и специфические проявления понимания данного концепта. Репрезентантами концептосферы *унэ* (дом) в текстах А.П. Кешокова являются *унэ* – дом, *лъапсэ* – род, усадьба, *жъэгэу* – очаг, *бжэицхэIу* – порог, *унагъэбжэ* – дверь, букв. семейная дверь, *унаицхъэ* – крыша.

Дом – пристанище человека, человек без дома предстает не только бездомным, но и одиноким:

... Мусэ жыхуиIам теуаиц. Утемыувэуи хъурэ, унэккым, ницIантIэккым е фызккым, бынккым. Шысу зигъэлIэн [Кешоков т. 2: 126]. / Муса сделал, что сказал. Как не сделать, ни кола, ни двора, ни семьи (букв.: ни дома, ни двора, ни жены, ни детей). Не умереть же сложа руки.

Герои писателя – эмоциональные люди, оказываясь в экстремальной ситуации, они часто выражают свои эмоции проклятиями. Одними из страшных проклятий являются проклятия на семью, дом, род:

емынэр зи унэ ихъэн – черт тебя побери (букв.: чтобы холера забралась в твой дом, поселилась у тебя дома):

– ЛэжъаицIэу фо къуат, лIо абы и лей узыхуейр? Спасивэ жыIэ, емынэр зи унэ ихъэн [Кешоков т.4: 291]. / За работу тебе дают мед, что еще надо? Скажи спасибо, черт тебя побери.

И естественным образом (с отрицанием) используются благопожелания:

ер зи унэм имыхъэн – шут с тобой; пусть пребудет с вами добро (букв.: чтобы в твой дом не зашла беда):

Округым и начальникымрэ абырэ зэицхъаиц. Къулыккур яхузэрыгъэгэушырккым ер зи унэм имыхъэнхэм [Кешоков т. 3: 228]. / Он повздорил с начальником округа. Они не могут поделить власть, да пребудет с ними добро.

Одними из самых страшных проклятий были те, в которых проклинались весь род; в романах писателя герои в состоянии гнева используют такие конструкции:

лъапсэм псы игъэжыхъыжын – стереть с лица земли; разорить дотла (букв.: его усадьбу водой прополоскать):

Нэмыцэм лъэпкъ ягу иримыхъым я лъапсэм псы ирагъэжыхъыжыну я мурадц. НтIэ дунейм къытранэну цыху лъэпкъхэм дэ дыхабжауэ цыиIуэжын? [Кешоков т. 4: 231] / Немцы были намерены уничтожить с лица земли не-

угодные им нации. Так поклянешься, что мы среди тех народов, которых они решили оставить на земле?

Льапсэрыхыр кыхуэгъэкӀуэн – разорить; уничтожить (букв.: при-слать того, кто сносит усадьбу):

(ЖыраслӀэн) Бийм льапсэрыхыр кыхуэгъэкӀуауэ ди ныбжӀэгъухэр кӀеггӀэлын хуейц [Кешоков т. 3: 395]. / (Жираслан) Надо уничтожить врагов и освободить наших друзей.

Одним из репрезентантов концепта *унэ* (дом) в кабардино-черкесском языке является *жӀэгу* (очаг). Проявление высшей степени бедности у кабардинцев – отсутствие дома, очага:

унӀкӀым, жӀэгукӀым – букв.: ни дома, ни очага:

ЦӀыхубз хӀарзынӀэр дӀхуӀац, унӀ иӀӀкӀым, жӀэгу иӀӀкӀым, зыгӀэхуӀӀэбӀэн иӀӀкӀым [Кешоков т. 5: 62]. / Хорошая женщина стала обездоленной, ни до-ма, ни очага, некому приголубить.

ЖӀэгу пацхӀӀэ – семейный очаг, домашний очаг (букв.: пространство перед очагом):

ЗыгуӀрым фыз кӀишат, жи. И анӀм деж кӀишӀэри кӀыжриӀац: «Мис, ди анӀ, уи нысӀр, уи жӀӀэгу пацхӀӀэр зӀптын хуейр мырац» – жиӀӀэри [Кешоков т. 4: 53]. / Рассказывали, кто-то женился. Он привел ее к своей матери и ска-зал: «Вот, мама, твоя невестка, вот ей нужно передать наш домашний очаг».

Атрибутами *дома* в адыгской ЯКМ являются *порог* и *дверь*, которые символизируют границу между «своим» пространством и «чужим». Писатель неоднократно пользуется ФЕ с данной символикой.

БжӀӀхӀӀӀу эбӀкӀуэн – переступить порог; перешагнуть порог:

(Исуф) – Мы бжӀӀхӀӀӀум сӀкӀебакӀуӀу унӀм сӀкӀыӀыцӀыӀыӀа махуӀм, ЯлыӀх, кхӀаблӀӀӀӀ сӀыӀӀегӀӀыж [Кешоков т. 5: 396]. / (Исуф) В тот день, ко-гда я переступлю порог и войду в этот дом, о Аллах, пусть вынесут меня на носилках (на которых несут покойника).

Дверь в кабардино-черкесском языке – *бжӀӀ*; сложное слово, которое используется в ФЕ и поговорках – *унагӀуӀбжӀӀэ* (букв.: семейная дверь). Одно из проклятий, которое используется героями романов писателя в крайне эмо-циональном состоянии, *унагӀуӀбжӀӀэр хуӀзыӀӀыжын*.

УнагӀуӀбжӀӀэр хуӀӀыжын – найти свою погибель; оказаться послед-ним в своем роду, проклясть кого-то (букв.: закрыть семейную дверь):

– *Зи унагӀуӀбжӀӀэр хуӀзыӀӀыжын, – жиӀӀӀӀ хӀӀӀыжын, мыжурӀмӀӀӀ Астемыр и цӀаӀӀуӀ цӀаӀӀыжын иӀӀӀыдӀжац* [Кешоков т. 2: 17]. / Проклинаю, – сказав, хаджи штыком ткнул под бурку Астемира.

Феномен *дома* воспринимается как что-то сокровенное, самое родное. Концепт *унэ* (дом) у писателя ассоциируется в большинстве случаев с семей-ным благополучием и богатством.

Концепт *унэ* (дом) в произведениях А.П. Кешокова является сложной ментальной единицей, имеющей когнитивный статус и не существующей вне процесса мышления. Неоднозначность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием писателя, так как категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

В третьей главе «**Взаимодетерминированность семантики ФЕ и контекста в художественных произведениях А.П. Кешокова**» дается анализ этнокультурной специфики ФЕ кабардино-черкесского языка в художественных текстах А.П. Кешокова, систематизируются приемы индивидуального-авторского использования ФЕ в текстах писателя.

Важной частью исследования фразеологии является проблема контекстуальной реализации семантики и коннотаций ФЕ, выявление системности их функционирования в текстах писателей.

ФЕ в контексте художественных произведений получают широкие возможности для реализации потенциальных семантических, дополнительных смысловых оттенков, что и является часто объектом исследования.

Связь между ФЕ и контекстом носит многоплановый характер. Образ, заложенный в ФЕ, проходит иногда через все произведение писателя, буквально переплетаясь с контекстом.

Через все содержание романа «Вершины не спят» проходит образ единства двух братьев – лезвий одного кинжала. В самом начале романа А.П. Кешоков подробно объясняет смысл кабардинской поговорки:

ЗэкъуэшиитIрэ дзитI зыIут къамэрэ, жьыхуалэр Астемыр, дауи, ищIэрт. ТемботкIэ еджэу зы ицIалэ цIыкIу илэти, абы къуэши цIыкIу къыхуалъхумэ, и гуапэт, езы Думэсарэ хъыджэбз къыицIэхъуэмэ фIэфI ицхъэкIэ, Астемыр зыицIэхъуэпсыр къызэрехъулар имыицIэу унэм нэсыжыным хуэпIаицIэу къакIуэрт [Кешоков т. 2: 10]. / Говорят, два брата, как два лезвия кинжала, конечно, это Астемир знал. У него был маленький сын Тембот, и поэтому ему хотелось брата, хотя Думасара мечтала о дочке. Не зная о том, что сбылась его мечта, Астемир спешил домой.

Данный фрагмент представляет собой авторский текст, писатель говорит с читателем как с хорошо знакомым собеседником, объясняя важность поговорки для всего последующего повествования.

Для объяснения и комментирования смысла поговорки автор использует слова-компоненты поговорки в качестве компонентов «свободных» словосочетаний в составе предложений, что делает образ, заключенный в поговорке, более живым, ассоциирующимся с буквальным значением используемых лексем. А.П. Кешоков использует образность поговорки, при этом связь поговорки с контекстом всего произведения подчеркивается также использованием компонентов поговорки и в качестве членов предложения:

Уи адэм, зы къамэм и дзитI, жиIэу и къуитIым пицIын цымыIэу хуэдэ зицIми, къамэдзэ лъэныкъуэр дэнэ ихьа? [Кешоков т. 3: 493] / Твой отец, говоря о двух лезвиях одного кинжала, словно нет никого лучше его двух сыновей, куда дел одно из лезвий?

А.П. Кешоков тонко воспринимает семантические возможности слов и ФЕ, поэтому незаметно протекают механизмы оживления используемых автором традиционных формул и тем ошутимее прагматический эффект текста автора. Например, *кIэ етын* имеет значения 1) покончить с каким-л. делом, занятием; 2) лишить жизни кого-л., покончить с кем-л.:

ИгъацIэкIэ къытримыгъээзжын хуэдэу кIэ етын хуейцI абы. Арыншамэ, ди унэм жъэ цыдмыгъуэтыжу дыкъэннуцI [Кешоков т. 3: 246]. / Надо покончить с этим делом, чтобы никогда в жизни больше не повторилось это. Иначе мы останемся в своем доме без права голоса.

Большевикхэм я Iэтацхьэхэм кIэ етын хуейцI иджыпсту, йогупсыс Дышнинскэр [Кешоков т. 3: 433]. / Надо покончить с лидерами большевиков сейчас, – думает Дышнинский.

Случаи, когда ФЕ, имеющие в словаре одно или два значения, получают в контексте новое смысловое значение, нередки для писателя. ФЕ *цхьэм дэуеин* (букв.: ударить в голову снизу вверх) имеет в словаре следующие значения: 1) опьянеть; 2) сильно огорчиться, принять близко к сердцу [Бербеков, Бижоев, Утижев 2001: 209].

В следующем контексте ФЕ получает иную семантику: *ШейтIан узыр бэлыхьыцI, и цхьэм дэуеинкIи мэхъу...* [Кешоков т. 2: 21] / Болезнь шайтана мучительна, может и в голову ударить.

КъызэрыхагъэщIам къигъэгубжъа, зауэллу фIэкIуэдахэр зи цхьэм дэуея Гикалэ Дышнинскэм жэуап иртыжын къудей и цхьэ трилъхьакъым. Зы псалъэ жимыIэу макIуэ [Кешоков т. 2: 396]. / Проигранное сражение и потеря многих солдат ударили в голову Гикало, он даже не соизволил дать ответ Дышнинскому. Идет, не говоря ни слова.

Писатель широко использовал синонимические конструкции (как синонимию слов и ФЕ, синонимию словосочетаний и ФЕ, так и синонимию разных ФЕ). Характерным для писателя является использование глагольных синонимичных ФЕ, выступающих в функции однородных членов предложения; семантика одного фразеологизма усиливается последующим.

КIуэ пэтми нэхъ шынагъуэ хьурт. Зыгуэрэм дыкыщIэмэ, ди лъапсэр ирахьыницI, ди унагъуэбжэр худагъэщIыжыницI, жиIэу Думэсарэ гузавэрт [Кешоков т. 2: 206]. / Со временем становилось еще страшнее. Если кто-то узнает, нас сотрут с лица земли, уничтожат, так про себя думала и волновалась Думасара.

Четко прослеживается взаимосвязь и взаимообусловленность контекста и ФЕ в случаях, когда для реализации семантики фразеологизмы нуж-

даются в особой организации контекста. В зависимости от структурной замкнутости устойчивые сочетания или не нуждаются в особо организованном контексте, или требуют контекстуальной поддержки других слов с определенной грамматической функцией, либо тяготеют к синтаксической изоляции, выступая, например, в качестве вводной конструкции. Так, в предложениях ФЕ *ицхээфэцир мэтэдж* – волосы дыбом становятся, *кьурмэ-кьейр циубыдыкын* – взять за горло не нуждаются в особой синтаксической организации предложения:

Абы и кий макъым уи ицхээфэцир игъэтэджырт [Кешоков т. 3: 481]. / От ее крика волосы становились дыбом.

ВитIыр зейм лыжьбьым и кьурмэ-кьейр циубыдыкIац, си витIыр кьы-зэтыж, жиIэри [Кешоков т. 2: 258]. / Хозяин двух волов взял за горло старика, говоря, чтоб вернул двух волов.

Вопросы, связанные с индивидуально-авторскими преобразованиями ФЕ в художественной речи, всегда актуальны для исследователей.

В нашей работе не рассматриваются авторские фреквенталии (идиомы, встречающиеся в обычном языке, но употребляющиеся в языке рассматриваемого писателя наиболее часто) и авторские деархаизмы (случаи художественного «оживления» вышедшей из употребления идиомы). Замечания по поводу частотности той или иной ФЕ в контекстах А.П. Кешокова делаются лишь по мере необходимости. Все другие приемы индивидуально-авторских преобразований имеют место в творчестве писателя, наша же задача – показать специфические для писателя приемы и прагматический эффект их применения.

В своей работе мы остановились на формально-семантической классификации: рассмотрим ФЕ с точки зрения изменения формы компонента (компонентов), структуры ФЕ, а затем - семантику и коннотации измененных конструкций.

1. Формально-грамматические изменения ФЕ

Изменение морфологической формы компонентов ФЕ

При использовании данного приема обычно изменяются привычные синтаксические связи фразеологизма.

Глагольный фразеологизм *нэсэр IукIын* / испугаться (букв.: отойти душе) выступает в предложении обычно в роли сказуемого:

Думэсарэ и пацхээм итыр Ботт. Зы шыгу гуэри, уанэ зытель шитIыр гупхэмIэ кьепхауэ, цытIт, шитIым языр Астемыр зытесу цытар зэрыарар заныIэу кьыицIэжери, и нэсэр IукIац [Кешоков т. 2: 201]. / Перед Думасарой стоял Бот. Сзади стояла какая-то повозка с привязанными оседланными конями, признав сразу в одном из них коня Астемира, она испугалась.

Этот же фразеологизм при переходе глагола в деепричастие изменяет и синтаксические связи, приобретая при этом значение обстоятельства образа действия:

Саримэ, и несэр Луклауэ, зыщлхъумэжащ, Тембот и нитЫр кыхуу щхьэгъубжэмкIэ плъэрт. [Кешоков т. 2: 130] – Сарима, испугавшись, спряталась, Тембот с большими испуганными глазами смотрел в сторону окна.

Добавление аффиксов к одному из компонентов ФЕ

Гум кьэкIыжын – вспомнить (букв.: сердце вспомнит):

Елдаррэ Темботрэ цызэпсалъэм жаIар Лу и гум кьэкIыжат: – *УдэжIуеифын?* – *жиIэрт Елдар* [Кешоков т. 2: 45]. / Лю вспомнил, что сказали Эльдар и Тембот: – Сможешь подняться? – спрашивал Эльдар.

Данный фразеологизм в контексте писателя получает различные аффиксы, в результате чего изменяются смысловые оттенки:

гум кьэкIыжагъэнти – наверное, что-то вспомнил; где **а** – показатель прошедшего времени, суффикс **-гъэ-** (**гъэ+н**) [Урусов 2000: 117] выражает предположение о существовании действия; в кабардино-черкесском языке предположительное наклонение объединяется с индикативом общностью утвердительно-го суффикса **-т** [Каб.-черк.яз. т. 1: 220] + соединительный суффикс **и**.

Астемыр аргуэру жиIащ и унэцIэр. Писырым, зыгуэр и гум кьэкIыжагъэнти. *зыуцэхужащ* [Кешоков т. 2: 60]. / Астемир повторил свою фамилию. Писарь, наверное, что-то вспомнил, поэтому притих.

Гум кьэкIыжыххэртэкъым – не вспоминал, забыл про что-то напроць, где двойной **-хх-** выполняет усилительную функцию + аффикс динамичности **-р-** [Урусов 2000: 115] + суффикс прошедшего времени **-тэ-** [ГКЯ 1970: 44] + суффикс отрицания **-къым**. [Урусов 2005: 60]:

Астемыр и гугъакъым абыкIэ кьеуцIыну, хьэжымрэ абырэ зэрызэауэрэ мацIэ цIат, уеблэм ар кьыщыхъуа кьуажэм яцыгъуцэжати, зыми и гум кьэкIыжыххэртэкъым, *арцхьэкIэ, абы хуэдэр зыщымыгъуцэ цыIэу кьыцIэкIынти, тетыр кьызыцIэуцIэм и жэуапыр етын хуейт* [Кешоков т. 2: 65]. / Астемир не думал, что его об этом спросят, прошло много времени с тех пор, когда они подрались с хаджой, даже жители села, где это произошло, уже давно забыли об этом, никто и не вспоминал, но, наверное, были и те, которые такое не забывают, нужно было ответить на вопрос хозяина.

2. Изменение компонентного состава ФЕ

Изменение компонентного состава ФЕ может привести к изменению ее структуры, или она может оставаться неизменной в случае замены компонента. Проведенный анализ показал, что А.П. Кешоков производил замены компонента всех структурно-семантических типов ФЕ, но чаще всего таким преобразованиям подвергались фразеологические единства и паремии.

Вариация лексических дублетов без изменения словоформ:

КьыцIэвмыгъэхэ несэ зыпыт, – *жиIэри Гуацэнэ бжэм деж хьыджэбз игъэуащ* [Кешоков т. 2: 299]. / Ни одной живой души не впускайте сюда, – сказала Гуашана и поставила девушку у двери.

Елдар кГуэуэ ахшиэ кыицихыа жэциым кыицициГэдзауэ нобэ кьэс псэ зыцут цыыхьатэкьым [Кешоков т. 2: 203]. / С той ночи как Эльдар принес деньги, туда ни одна живая душа не входила.

Замена компонента ФЕ, как отмечалось, часто связана с явлением синонимии.

Щхэр кыифГэхуауэ – кыифГэлэлауэ – поникнуть головой; прийти в отчаяние (букв.: голова отвалилась):

Цыыхьухэр нэцхьей зацГэт, я цхьэр кыифГэхуауэ, я цыбагыр зэхуэгьэзауэ гум ист изу [Кешоков т. 3: 608]. / Люди все грустные были, поникнув головой, сидя спиной к друг другу, сидели в переполненной телеге.

Щалэгьуалэр зэрыгьэдыхьихьыу псоми я цыбагыр кыдэтт. Сэид сымэ я цхьэр кыифГэлэлынауэ цытт [Кешоков т. 3: 575]. / Молодежь веселилась у всех за спиной. Сайд и остальные совсем поникли головой.

КыифГэхуауэ – деепричастие от глагола **кыифГэхун** / *отвалиться* со значением *отвалившись*, где **а-** показатель прошедшего времени + аффикс деепричастия **-уэ**;

кыифГэлэлынауэ – деепричастие от глагола **кыифГэлэлын** / *повиснуть* со значением *совсем повисла*, где **а-** показатель прошедшего времени + аффикс деепричастия **-уэ** (а **-нэ-** суффикс возможности действия [ГКЧЛЯ 1970: 151]).

Замена компонента изменяет семантику и интензивность высказывания, делая его более образным.

Добавление компонента в ФЕ. Изменение компонентного состава ФЕ приводит к изменению ее структуры.

В случае сокращения компонентного состава или введения в состав ФЕ дополнительного компонента или компонентов:

а) компонент сложного слова:

нэм Гугьэр кыицихын – хмуриться, сердиться (букв.: из глаз дым идти):

(Кылышбий) *И нитГым Гугьэр кыицихьыу Аралпырэ Астемиррэ кыизэтипльыхьаиц* [Кешоков т.2: 61]. / (Кылышбий) Рассерженно, пристально рассмотрел Аральпа и Астемира.

Путем добавления числительного **тлу** (два) к ФЕ усиливается интензивность действия, эффект сердитости – **нитГым** (из двух глаз).

б) Путем добавления существительного:

псэр хэын – лишить жизни, наказать (букв.: душу вынуть):

(Апчарэ) – *Зэхэфха абы жилар? Уи псэр ГэбьсанэкГэ хэсхыни. Ара узыхуейр, пьяницэжь. Сыту уи жьэм кьекГуэу жытла!* [Кешоков т. 4: 13] / (Апчара) – Слышали, что он сказал? Лишу тебя жизни ногтями. Ты этого хочешь, пьяница. Как ты мог такое произнести!

в) Путем добавления прилагательного:

напэр техын – опозориться (букв.: снять лицо):

Джэгуалгэ яцгац, и напэ хужьыр трахиц Гуацхьэмахуэ, удэкГыну *Іэмал илэкьым жьыхуаІэу цытам* [Кешоков т. 4: 228]. / Местом игрища сделали, опозорили Эльбрус, ведь говорили, что туда невозможно подняться.

А.П. Кешоков использует прием сокращения компонентов (эллиптирование), причем в его текстах встречаются различные типы эллипсисов: так называемые несамостоятельные эллипсисы, которые не воспроизводятся в преобразованном виде, и самостоятельные эллипсисы, воспроизводящиеся в преобразованном виде и понятные для читателя.

Лэнум зыгьэлэн гын ешх – (погов.) кому суждено умереть, тот принимает яд, от которого умрет.

Автор использовал данную поговорку без существительного *гын* /яд, оно выпало:

Жыраслээн зрельэфыхьри цысыц. – Лэм зыгьэлэн ешх, жи [Кешоков т. 3: 141]. / Жираслан сидит и не торопится. – Кому суждено умереть, тот принимает то, от чего умрет, говорят.

Эллипсис ФЕ в авторской речи также выполняет определенные функции. Прежде всего, он дает возможность не повторять один и тот же оборот неоднократно, поэтому часто используется в пределах одного предложения ФЕ и второй раз – компонент фразеологизма, сохраняющий значение полной единицы:

Нэгьуэщым мащэ кьыхуэзытГыр мащэм ихуэжынищ – (посл.) кто другому яму роет, сам в яму попадет:

Ауэ нэгьуэщым мащэ кьыхуэзытГыр мащэм ихуэжынищ. Уэ цыхум кьахуботГыр мащэ, Инал. Хуэсакь, уихуэжынищ [Кешоков т. 4: 658]. / Кто другому яму роет, сам в яму попадет. Ты роешь яму людям, Инал. Будь осторожен, сам попадешь.

Контекст часто актуализирует эллиптированную часть, ее возможные субъективно-модальные, экспрессивно-эмоциональные значения.

Одним из широко используемых А.П. Кешоковым приемов является сочетание различных видов трансформаций; анализ показал, что при этом достигается особая выразительность.

Уезыхьжэну жьым зыдегьэкІу – (погов.) подстройся под сильных (букв.: подстройся под ветер, который тебя унесет):

– *Кавказым исхэр зы бэракьым цІэту зэдэзэуауэ цытамэ... АрицхьэкІэ хэт кьуршым йохьэж, хэт губгьуэм йольдэж, хэти тенджызым хопкІэжри... ЗызыдегьэкІуну жьыр кьыздыкьуэунумрэ а жьым дрихьэжьэмэ, дызэпхуэунумрэ тицІэркьыми...* [Кешоков т. 3: 111] / Если бы жители Кавказа воевали под одним знаменем... Но кто-то уходит в горы, кто-то убегает в степь, кто-то уплывает в море... Если бы мы знали, откуда подует ветер, под который мы должны подстроиться, и за что хвататься, если этот ветер нас подхватит.

В результате оживляется образная основа, направленная на буквальное восприятие действий, а также участников ситуации, запечатлённых в пословице. Буквализация образа приводит к актуализации как фразеологического, так и буквального значения.

Уи ажэ си бжыхь къомых – не впутывай меня в свои дела (букв.: если бы к нашему плетню не привязали шариатскую козу):

– *Ар хъунут*, – *жиIэрт Хъэбыжи*, – *шэрихъэт бжэныр ди бжыхьым кърамыпхатэм*. *Цъыхур гутIицхытI мэхъу, зэувэлэнур ямыцIэу* [Кешоков т. 2: 476]. / Это можно было бы, – говорит Хабиж, – если бы они не впутали нас в свои дела. Люди колеблются, сомневаются, не зная, к какому решению прийти.

В данном контексте *шэрихъэт бжэныр ди бжыхьым кърамыпхатэм* (если бы они не впутали нас в свои дела), образованном от пословицы **уи ажэ си бжыхь къомых** (не впутывай меня в свои дела) (букв.: ты своего козла к моему плетню не привязывай), произведены такие действия:

1) замена компонента ФЕ, связанная с явлением синонимии с использованием родового признака в кабардино-черкесском языке, где *ажэ* (козел), а *бжэн* (коза);

2) добавление компонента *шэрихъэт* (шариат) – *шэрихъэт бжэныр* (шариатская коза (священная коза));

3) в слове *бжэныр* присутствует падежный аффикс именительного падежа в определенной форме *-р*, а *си* (*мой* - притяжательное местоимение первого лица единственного числа) преобразовано в *ди* (*наш* - притяжательное местоимение первого лица множественного числа);

4) глагол *къомых* (*не привязывай* - повелительное наклонение, второе лицо единственного числа) преобразован в глагол *кърамыпхатэм* (*если б не привязали* – желательное наклонение, третье лицо множественного числа).

Использование комбинированных приемов преобразования ФЕ – одна из основных форм работы А.П. Кешокова с контекстом, при которой проявляется умение писателя чувствовать языковые трансформации, «играть» с контекстом.

В **заключительной части** диссертационной работы подводятся основные итоги проведенного исследования, которые сводятся к следующему. Фразеологический метакод адыгской ЯКМ, эксплицированный в исследуемом дискурсе, неизбежно моделируется в контексте масштабности авторской личности А.П. Кешокова. Его художественное творчество в определенной степени опровергает известный тезис о том, что литературный язык нивелирует тот или иной этнический язык с точки зрения его внутренней формы, его генезиса.

Органичное сочетание статичности и динамичности культуросозидающего языкового процесса в произведениях писателя позволило выстроить особое фразеологическое пространство, в котором фразеологизмы кабардино-черкесского языка с этнокультурными компонентами *исэ* (душа), *гу* (сердце), *унэ* (дом), *зэман* (время) приобрели в художественном тексте индивидуальную авторскую интерпретацию. Исследованные в диссертационной работе ФЕ с указанными компонентами в семантической структуре представляют собой специфический способ формирования адыгской фразеологической картины мира.

Связь между ФЕ и контекстом в произведениях А.П. Кешокова носит многоплановый характер. Контекст, создаваемый писателем, определенным образом воздействует на ФЕ, в контексте репрезентируются потенциальные возможности фразеологизмов. Писатель использует такие явления в сфере фразеологии, как полисемия, синонимия, антонимия.

Для идиостиля писателя характерно при наличии омонимичных ФЕ использование одной из них. При функционировании в одном контексте ФЕ и омонимичного свободного сочетания слов смысловая дуплановость снимается особой организацией контекста, что способствует созданию языковой игры, реализующей прагматический замысел писателя.

Компоненты ФЕ в прозе А.П. Кешокова подвергаются различным преобразованиям, так или иначе связанным с авторским замыслом, и обусловлены стремлением писателя к переоценке характеризуемых ФЕ ситуаций, лиц, явлений. Наиболее характерные для писателя приемы преобразования ФЕ – изменение формы компонента и изменение компонентного состава ФЕ.

При различных трансформациях ФЕ связь со смысловым содержанием контекста становится еще теснее: контекст может требовать изменения семантики ФЕ, ее структуры. Писатель демонстрирует системные случаи целенаправленного изменения ФЕ, продиктованные экспрессивно-стилистическими задачами контекста.

При использовании комбинированных методов происходит «вплавление» ФЕ в контекст, в котором обыгрываются свойства фразеологизма, в результате чего писатель получает необходимый прагматический эффект.

Во всех случаях автор добивается определенного эффекта: ставит ФЕ в нужной ему грамматической форме, наиболее подходящей для контекста; оживляет образность ФЕ, сближая фразеологическое значение и буквальное, изменяет семантику.

В дальнейшем представляется перспективным исследование ФЕ кабардино-черкесского языка как этнокультурного феномена в различных дискурсах адыгской ЯКМ, и в частности изучение символа как способа кодирования этнокультурной информации во фразеологическом пространстве.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Шугушева Д.Х. Роль контекста в реализации семантики ФЕ в прозе А.П. Кешокова // Успехи современной науки. – Белгород, 2016. – Т. 3, № 8. – С. 17–20.

2. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «Гу» (сердце) в произведениях А.П. Кешокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Ч. 3, №11 (77). – С. 194–197.

3. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «лсэ» (душа) в произведениях А.П. Кешокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Ч. 1, № 6 (72). – С. 167–170.

Публикации в сборниках материалов научных конференций и других изданиях:

4. Бижева З.Х., Шугушева Д.Х. Этнокультурная специфика фразеологических символов и квазисимволов (на материале кабардино-черкесского языка). Язык: история и современность. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – С. 5–12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://em.kbsu.ru/doc/n4_2017_4/lhm_n4_2017.pdf.

5. Шугушева Д.Х. Взаимодетерминированность семантики ФЕ и контекста в прозе А.П. Кешокова // Язык: история и современность. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – № 3. – С. 122–129 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://em.kbsu.ru/doc/n3_2017_3/lhm_n3_2017.pdf.

6. Шугушева Д.Х. Изменение компонентного состава ФЕ в индивидуально-авторских преобразованиях в прозе А.П. Кешокова // VII-я Международная научно-практическая конференция «Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы». – Новосибирск: ЦРНС, 2017. – С. 80–85.

7. Шугушева Д.Х. Роль концепта «гу» (сердце) в реализации семантики ФЕ в прозе А.П. Кешокова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства. Проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 380–382.

8. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «время» в произведениях А.П. Кешокова // Международный научный журнал «Modern Science». – 2017. – № 4. – С. 24–27.

9. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «унэ» (дом) в произведениях А.П. Кешокова // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сборник научных статей. – Пермь, 2017. – С. 116–118.

10. Шугушева Д.Х. Особенности концепта "гу" (сердце) в реализации семантики ФЕ со значением «память», «мышление» в произведениях А.П. Кешокова // Научный форум: Филология, культурология и искусствоведение: сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. – М.: МНЦО, 2018. – № 2 (13). – С. 83–88.

В печать 12.04.2018. Формат 60x84/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 1.00 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 104.

Отпечатан ИП «Binding2016»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68